

Секция «Историческая наука и ее отражение в образовании»

Историческая правда и «войны учебников» в отношениях КНР и Японии

Гриффитс А.А.¹, Михайлова И.И.²

1 - Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Институт международных отношений, Москва, Россия, E-mail: griffiths_a4@mail.ru; 2 - Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Институт международных отношений, Москва, Россия, E-mail: irina.mixajlova.2004@mail.ru

Историческая политика официальных Пекина и Токио, воплощая собой (как и любая историческая политика) «плод вполне сознательной и целенаправленной . . . инженерии» (Миллер, 2008, с.26) властных элит, неоднократно трансформировалась за прошедшие десятилетия, откликаясь на внутри- и внешнеполитические вызовы. При этом за поддержание официального исторического нарратива, закрепляющего определенное видение коллективной идентичности у разделяющих его членов сообщества, отвечали и образовательные институты [1].

До конца семидесятых годов прошлого века в школьных учебниках КНР национальная история интерпретировалась через призму победы коммунистов над империалистами, в том числе над Японией [6]. Однако историческая политика в указанный период может быть описана в терминах «выборочной амнезии» [3]. В контексте нормализации отношений с Японией (с 1972 г.) и, в особенности, после заключения двустороннего Договора о мире и сотрудничестве в 1978 г., когда Япония стала оказывать КНР значительную экономическую помощь, руководство КПК предпочло не подсвечивать некоторые трагические события «Войны сопротивления» ради выстраивания продуктивных отношений с недавним противником.

К началу 1980-х гг. по мере продвижения «политики реформ и открытости» Дэн Сяопина власти столкнулись с вызовом стремительного проникновения западной культуры в Китай. Успешная реализация задуманных социально-экономических преобразований зависела от уровня национального единства, и одним из инструментов сплочения общества стало обращение к коллективной памяти о внешних угрозах [1]. В повестку дня вернулось обсуждение вопроса вины Японии перед китайским народом. Антияпонские настроения подогревались и действиями самой Японии, где в 1982 году Министерство образования одобрило учебники, преуменьшавшие преступления японцев во время Второй мировой войны [7]. Примечательно, что и в 2017 г. в ходе опроса, посвященного отношению китайской и японской молодежи к 80-летней годовщине Нанкинской резни, некоторые японцы отмечали, что эта страница в истории называлась «Нанкинским инцидентом», что в свою очередь отражает продолжающуюся политику “сглаживания углов” в истории [4].

В 1990-х годах в исторической политике КНР отразились две противоречащие тенденции. С одной стороны, антияпонские настроения продолжили усиливаться. КПК опубликовало постановление о патриотическом образовании, опасаясь неверной интерпретации истории и подрыва своей политической линии. С другой стороны, группа ученых из Китая, Японии и Южной Кореи объединились для создания совместного –призванного дать объективный взгляд на общее драматическое прошлое –учебника истории средней школы. Учебник получил название “A History to Open the Future: Modern East Asian History and Regional Reconciliation”. Авторы положили в основу изложения тематическое, а не хронологическое описание; упор в освещении событий был сделан на восприятие их женщинами, меньшинствами и простыми людьми. Учебник был продан в количестве более 240000 копий, однако его целевой аудиторией стали не школьники, как надеялись авторы, а уже получившие образование читатели [5].

Новый всплеск антияпонских настроений в КНР имел место в 2005 г. Поводом стали выпущенные японским министерством образования учебники новой истории, где замалчивались факты о зверствах японцев в ходе «Войны сопротивления» [7]. В последующие годы Япония взяла курс на избавление от чувства вины и акцентирование патриотической составляющей [8].

В 2017 году председатель КНР Си Цзиньпин утвердил создание единой серии учебников, одобренной Министерством образования, в которых концепцию восьмилетней «Войны сопротивления» (1937-1945) сменила концепция четырнадцатилетней «Войны сопротивления» (1931-1945) [3]. В 2010-х годах по мере наращивания экономической мощи и политических амбиций Китай в своей исторической политике взял курс на освобождение от образа жертвы внешней агрессии и закрепление образа победителя.

В заключение, мы можем констатировать, что «войны учебников» отражали динамику экономического и политического взаимодействия КНР и Японии на международной арене. Утратив потребность в получении экономической помощи от Токио, официальный Пекин вернулся к обсуждению «неудобного прошлого» Японии периода ВМВ. Тем не менее, даже в современных условиях секьюритизации истории, группы академических исследователей, объединенные стремлением обеспечить максимально объективное изложение событий прошлого, предпринимают попытки прийти если не к космополитическому, то агонистскому режиму памяти. Последнее предполагает открытый, уважительный диалог носителей противоположных исторических нарративов; согласие не соглашаться, но оставаться в пространстве взаимодействия. Удастся ли академическому сообществу снизить градус политизации истории, будет ли это стремление поддержано на уровне образовательных институтов – вопрос открытый, причем не только для КНР и Японии.

Источники и литература

- 1) Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 632 с.
- 2) Миллер А.И. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки, 2008, №5, с. 26.
- 3) Понамарева А.М., Понамарев С.В. Фактор исторической памяти о Второй мировой войне во внешней политике КНР // Прошлое, которое не уходит: культурная травма, историческая память и идентичность: [монография] / О. М. Михайленок, А. В. Митрофанова, О. А. Богатова [и др.] ; отв. ред. А. В. Митрофанова ; ФНИСЦ РАН. — М. : ФНИСЦ РАН, 2023. — 216 с.
- 4) Leung, H., Hernon M. Battle lines: One battle, two countries and a whole lot of opinions. We talk to people in China and Japan about what they learnt at school about the Nanjing massacre // Index on Censorship, Vol. 47(1). 2018. pp. 38-39.
- 5) Obinata Sumio Historical Consciousness and Japan, China and South Korea's Shared History Teaching Materials // Political Science, Vol. 58(2). 2006. pp. 3-13.
- 6) Rana Mitter Old Ghosts, New Memories: China's Changing War History in the Era of Post-Mao Politics // Journal of Contemporary History, Vol 38(1). 2003. pp. 117-131.
- 7) Большая Евразия: <https://gea.site/>
- 8) Новое восточное обозрение: <https://journal-neo.su/ru/>